

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

Un Anello d'Oro

Катерина Ладзари шла через пустую площадь, фестончатый подол голубого бархатного пальто волочился по свежему снегу, оставляя на брусчатке бледно-розовый след. Тишину нарушал лишь тихий, ритмичный шорох шагов — с таким звуком просеянная мука ложится на старую деревянную доску. Со всех сторон серебряными кинжалами в оловянное небо вонзались Итальянские Альпы. Невысокое солнце едва просвечивало сквозь дымку — золотая булавоочная головка на серой ткани. В утренних лучах, вся в голубом, Катерина походила на птицу.

Обернувшись с протяжным вздохом, она выпустила в холодный зимний воздух облачко пара.

— Чиро! — позвала она. — Эдуардо!

Катерина слышала, как смех сыновей эхом разносится по пустой колоннаде, но не могла понять, где они. Взгляд ее скользнул по колоннам. Это утро плохо подходило для игры в прятки. Катерина снова окликнула детей. Голова кружилась от наплыва дел: большие проблемы и маленькие поручения, несметное число мелочей, документов, в которых надо разобраться, ключей, которые надо вернуть. А еще нужно как-то распределить оставшиеся лиры, чтобы уплатить по счетам.

Первое, с чем сталкивается вдова, — бумажная канитель.

Катерина и представить себе не могла, что в первый день 1905 года будет стоять здесь одна, и впереди — ничего, кроме слабой надежды, что однажды все наладится. Все обещания, данные ей, были нарушены. Катерина посмотре-

ла вверх: окно на втором этаже над обувной лавкой распахнулось, и какая-то старуха принялась вытряхивать лоскутный коврик. Катерина поймала ее взгляд. Женщина отвернулась, втащила коврик в комнату и захлопнула окно.

Из-за колонны выглянул Чиро, ее младший. Его зеленовато-голубые глаза были отцовского оттенка — глубокого и чистого, как море в Сестри-Леванте*. В свои десять — точная копия Карло Ладзари: большие руки и ноги, густые, песочного цвета, волосы. Самый сильный мальчик в Вильминоре. Когда деревенские дети спускались в долину за вязанками хвороста, Чиро всегда тащил на спине самую большую охапку — потому что мог ее унести.

Глядя на него, Катерина почувствовала, как защемило сердце: черты его лица напоминали обо всем, что она потеряла навсегда.

— Сюда! — Она указала на мостовую рядом со своим черным ботинком. — Немедля!

Чиро подобрал отцовский кожаный мешок и, подбежав к матери, позвал брата, прятавшегося за статуей.

Эдуардо, которому было одиннадцать, пошел в родню Катерины, Монтини, — черноглазый, высокий и гибкий. Подхватив свой ранец, он уже бежал к ним.

У подножия гор, в городе Бергамо, где тридцать два года тому назад Катерина появилась на свет, семья Монтини держала в лавке на Виа Борго-Палаццо печатный пресс — штамповала линованную бумагу для писем, изготавливала визитки и выпускала небольшие книжки. Еще у них был дом и сад. Когда Катерина закрывала глаза, она видела родителей, сидящих за столом в увитой виноградом беседке. Они ели рикотту и толстые ломти свежего хлеба с медом. Катерина помнила о них все: кем они были и чем владели.

Мальчики побросали свои сумки в снег.

— Прости, мама, — сказал Чиро.

Он смотрел на мать, точно зная, что она — самая прекрасная женщина в мире. Ее кожа пахла персиками, а на ощупь была как атлас. Длинные волосы ниспадали мягки-

* Приморский городок на Средиземном море недалеко от Генуи. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ми волнами. Совсем малышом, лежа у нее на руках, он любил крутить черный локон, пока тот не свивался в сияющий жгут.

— Ты сейчас такая красивая, — искренне сказал Чиро. Если Катерина грустила, он всегда пытался развеселить ее комплиментами.

Она улыбнулась:

— Каждый ребенок думает, что его мать красавица. — Щеки у нее порозовели от холода, а кончик орлиного носа стал ярко-красным. — Даже если это не так.

Катерина выудила из сумочки зеркальце и замшевую пуховку. Краснота исчезла под слоем пудры. Поджав губы, Катерина критически оглядела мальчиков. Поправила воротник Эдуардо и одернула рукава Чиро, попытавшись прикрыть запястья. Но пальто давно стало ему мало, и, как ни тяни, двум лишним дюймам на манжетах взяться было неоткуда.

— Ты все растешь, Чиро.

— Прости, мама.

Она вспомнила, как раньше им шили пальто по росту, а еще брюки из тонкого вельвета и белые хлопковые рубашки. В колыбелях ее мальчиков укрывали теплые стеганые одеяльца, распашонки были из мягкого хлопка, а пуговички на них — перламутровые. Деревянные игрушки. Книжки с картинками. Теперь же сыновья выросли из одежды, а новую взять неоткуда.

У Эдуардо лишь одна пара шерстяных брюк и пальто, которое ему отдал сосед. Чиро же носит добротную, но плохо сидящую на нем отцовскую одежду. Брюки на три дюйма длиннее, чем надо, и Катерина подвернула их, сметала на живую нитку — шитье не входило в число ее талантов. Ремень у Чиро, пусть и застегнутый на последнюю дырочку, все равно болтался на животе.

— Куда мы идем, мама? — спросил Чиро, когда они отправились дальше.

— Она тебе уже сто раз говорила, опять ты не слушал. — Эдуардо поднял мешок брата.

— Поэтому ты должен слушать за двоих, — напомнила ему Катерина.

— Мама ведет нас в монастырь Сан-Нико́ла.

— Почему мы должны жить с монашками? — возмутился Чиро.

Катерина обернулась к сыновьям. Они смотрели на нее в надежде на объяснение, которое придало бы смысл таинственным событиям последних дней. Они даже не знали, о чем спрашивать, что именно им нужно выяснить, но насколько не сомневались, что странному поведению матери есть причина. Днем Катерине не удавалось скрыть озабоченность, ночами же, думая, что сыновья уже спят, она плакала. Она написала множество писем — за одну эту неделю больше, чем за всю прежнюю жизнь на памяти детей. Катерина знала, что, открыв правду, разрушит их надежды — ведь она единственная, кто остался у них в целом мире. А в будущем Чиро вспомнит только голые факты, Эдуардо расцветит их фантазией. Ни одна из версий не будет правдой, так имеет ли это значение? Катерина не могла вынести свалившуюся на нее ответственность — принимать все решения в одиночку. Пребывая во власти горя, она тем не менее должна была сохранять здравомыслие и думать о будущем своих мальчиков. В теперешнем состоянии она не могла о них позаботиться. Катерина составила список фамилий, припомнила все связи своей семьи и семьи мужа — поименно каждого, кто мог бы помочь. Внимательно просмотрела этот список, понимая, что многие из этих людей, возможно, сейчас нуждаются в помощи не меньше нее. Бедность изъела этот край, вынудила многих спуститься с гор в Бергамо или Милан в поисках работы. После долгих раздумий Катерина вспомнила, что отец печатал молитвенники для каждого прихода в Ломбардии, вплоть до Милана на юге. Он делал это бесплатно, в качестве пожертвования в пользу Святой Римской церкви, и не ждал вознаграждения. Катерина воспользовалась оказанной прежде услугой, чтобы пристроить сыновей к сестрам монастыря Сан-Никола.

Она положила руки на плечи Эдуардо и Чиро:

— Послушайте меня. Сейчас я вам скажу самые важные слова, какие когда-либо говорила. Поступайте так, как вам велят. Делайте все, что скажут монахини. Старайтесь изо

всех сил. Вы должны выполнять все их поручения, и даже больше. Предвосхищать их. Хорошенько смотрите вокруг. Беритесь за работу прежде, чем сестры о ней попросят. Велят набрать дров — делайте это немедленно. Никаких жалоб! Помогайте друг другу — и станьте незаменимыми! Порубите дрова, принесите их и сложите в очаг, не дожидаясь просьбы. Проверьте вьюшку, прежде чем поджечь растопку. А когда все прогорит, вычистите пепел и закройте дымоход. Приберитесь за собой, чтобы все блестело. Подготовьте очаг к следующей топке — запасите сухие поленья и щепу. Спрячьте метлу, совок и кочергу. Не ждите напоминания. Старайтесь приносить пользу и не доставлять неудобств. Будьте благочестивыми, молитесь. Садитесь на первую скамью во время мессы и на дальний конец стола во время обеда. Берите еду последними и никогда не просите добавки. Вы здесь только из милости, а не потому, что я могу оплатить ваше содержание. Понимаете?

— Да, мама, — сказал Эдуардо.

Катерина погладила Эдуардо по щеке и улыбнулась. Он обхватил ее талию и крепко прижался к матери. Катерина привлекла к себе Чиро. Так приятно было уткнуться лицом в мягкую ткань его пальто.

— Я знаю, что ты можешь быть хорошим мальчиком.

— Нет, не могу! — с жаром воскликнул Чиро и вырвался из объятий матери. — И не буду.

— Чиро!

— Ты зря это придумала. Нам здесь не место!

— Нам негде жить, — возразил практичный Эдуардо. — Так что наше место там, куда нас отправит мама.

— Слушай брата. Это лучшее, что я могу сейчас сделать. Летом я заберу вас домой.

— Обрато в наш дом? — спросил Чиро.

— Нет. В новый дом. Может быть, мы переберемся повыше в горы, в Эндине.

— Папа возил нас туда, на озеро.

— Да, это городок на озере. Помните?

Мальчики кивнули. Эдуардо потер руки, чтобы согреть их.

— Вот. Возьми мои перчатки. — Катерина сняла длинные черные перчатки, доходившие ей до локтя. Надела их

Эдуардо на руки, подтянула повыше, заправила под короткие рукава. — Лучше?

Эдуардо закрыл глаза. Тепло маминых перчаток поднималось от ладоней вверх, разливалось по телу, пока не окутало его целиком. Он откинул рукой волосы со лба — от пальцев успокаивающе пахло чесаным хлопком, лимоном и фрезией.

— Мама, а мне что? — спросил Чиро.

— Тебя уже согревают папины перчатки, — улыбнулась она. — Но ты хочешь еще и что-нибудь мамино?

— Пожалуйста!

— Дай руку.

Чиро стянул зубами кожаную перчатку. Катерина сняла с мизинца золотое кольцо и надела его сыну на безымянный.

— Мне его подарил мой отец.

Чиро посмотрел на кольцо. Причудливо изогнутое «С»* в овале тяжелого золота блестело в свете раннего утра. Он сжал кулак. Золотой ободок хранил тепло маминой руки.

Каменный фасад монастыря Сан-Никола выглядел неприветливо. Величественные пилястры галереи выступали на тротуар. Поверх громоздились статуи святых — на их лицах застыла фальшивая печаль. Эдуардо толкнул массивную дверь из ореха, очертаниями напомнившую ему шляпу епископа. Катерина и Чиро вошли следом за ним в небольшой вестибюль. Они немного потоптались на сплетенной из плавника циновке, стряхивая с обуви снег. Катерина подержала цепочку медного звонка.

— Наверное, молятся. Только этим весь день и заняты, — сказал Чиро, глядя в замочную скважину.

— Откуда ты знаешь? — спросил Эдуардо.

Дверь открылась. Сестра Доменика окинула их оценивающим взглядом. Низенькая, фигурой она напоминала обеденный колокольчик. Черно-белое одеяние до полу делало ее еще шире. Она уперла руки в бока.

* В итальянском с буквы «С» начинаются имена Катерина и Чиро.

— Я синьора Ладзари, — представилась Катерина. — А это мои сыновья, Эдуардо и Чиро.

Эдуардо поклонился монахине. Чиро быстро склонил голову, будто произнес краткую молитву. Ну ведь правда, на подбородке у сестры Доменики была премерзкая бородавка, и он бы с радостью помолился, чтобы та исчезла.

— Следуйте за мной, — велела монахиня.

Сестра Доменика указала мальчикам на скамью, на которой им полагалось ждать, а сама вместе с Катериной прошла в следующую комнату, скрывавшуюся за тяжелой деревянной дверью. Дверь захлопнулась. Эдуардо сидел прямо, а Чиро вертел головой, осматриваясь.

— Она отдает нас, — прошептал Чиро. — Как папино седло.

— Неправда, — прошептал брат в ответ.

Чиро изучил вестибюль, круглую комнату с двумя глубокими нишами; в одной была статуя Пресвятой Девы Марии, а в другой — Франциска Ассизского. Зажженных свечей у ног Марии было определено больше. Чиро предположил, что на женщин всегда больше полагаются. Он потянул носом воздух:

— Есть хочется.

— Тебе вечно есть хочется.

— Ничего не могу с этим поделать.

— Просто не думай о еде.

— Я только о ней и могу думать.

— У тебя прямолинейный ум.

— Совсе нет. То, что я сильный, не значит, что я глупый.

— Я не сказал, что ты глуп. Ты прямолинеен.

В монастыре пахло свежей ванилью и сладким маслом. Чиро закрыл глаза и вдохнул. Он в самом деле был голоден.

— Это как в маминой сказке о солдатах, которые заблудились в пустыне и увидели водопад там, где ничего не было? — Чиро встал, растревоженный запахами, и принялся осматривать стены. — Или где-то здесь пекут булочки?

— Сядь, — приказал брат.

Не обратив на него внимания, Чиро двинулся по длинному коридору.

— Вернись, — прошептал Эдуардо.

Ореховые двери по всей галерее были закрыты, слабый свет сочился через небольшие окошки под потолком. В дальнем конце прохода обнаружилась стеклянная дверь. Сквозь нее Чиро увидел аркаду, соединявшую главное здание монастыря с мастерскими. Он побежал по галерее на свет.

Добежав до стеклянных створок, он посмотрел сквозь них и увидел голый клочок земли — вероятно, сад, — окаймленный густым сплетением серых смоковниц. Деревья были припорошены снегом.

Чиро повернул на восхитительный запах и обнаружил монастырскую кухню, спрятавшуюся за углом главного вестибюля. Открытую дверь подпирал кирпич. Над длинным деревянным столом сияли на полке начищенные кастрюли. Чиро обернулся — убедиться, что Эдуардо не пошел за ним. Брата видно не было. Чиро побежал ко входу и заглянул внутрь. Кухня была жаркой, как летний полдень. Чиро замер, купаясь в волнах тепла.

Красивая женщина, много моложе его матери, работала у стола. Поверх длинного платья из серой шерсти в полоску — белый хлопковый фартук. Темные волосы скручены в тугой узел и заправлены под черную косынку. Прищурив темно-карие глаза, женщина раскатала на гладкой мраморной доске длинную полосу пасты. Мурлыкая под нос какую-то мелодию, она взяла короткий нож и стала вырезать из теста маленькие звездочки, не замечая, что Чиро наблюдает за ней. Длинные пальцы уверенно двигались, ловко управляясь с ножом. Вскоре на доске выросла грудка крошечных кусочков пасты. Чиро решил, что все женщины прекрасны, ну разве что кроме старух вроде сестры Доменики.

— Кораллини? — спросил Чиро.

Молодая женщина подняла взгляд и улыбнулась маленькому мальчику в слишком просторной одежде.

* Крошечная паста в форме трубочек, используется для заправки супов и приготовления запеканок.

— Стеллине*, — поправила она, показав ему кусочек теста в форме звездочки. Затем сгребла все звездочки и высыпала их в большую чашу.

— Что ты делаешь?

— Готовлю запеченный заварной крем.

— А пахнет пирогом.

— Это масло и мускатный орех. Заварной крем лучше пирога. Он такой вкусный, что ангелы слетают со своих насестов, чтобы его попробовать. По крайней мере, я так говорю другим сестрам. Ты из-за запаха проголодался?

— Я и до него был голодный.

Женщина рассмеялась.

— Ты кто?

— А ты кто? — прищурился он.

— Сестра Тереза.

— Простите, сестра. Но вы... вы выглядите как девочка. Вы не похожи на монашку.

— Я не ношу облачение, когда готовлю. Как тебя зовут?

— Чиро Август Ладзари, — гордо произнес он.

— Громкое имя. Ты римский император?

— Нет. — Чиро вспомнил, что разговаривает с монахиней. — Сестра.

— Сколько тебе лет?

— Десять. Но я крупный для своего возраста. Я даже могу тянуть лямку на водяной мельнице.

— Впечатляет!

— Из всех мальчишек мне одному это под силу. Они дразнят меня быком.

Сестра Тереза достала из стоявшего позади стола железного бака краюху хлеба, намазала ее толстым слоем мягкого масла и протянула мальчику. Пока Чиро ел, она проворно вырезала звезды из остатков теста и высыпала их в большую чашу, наполненную смесью из молока, яиц, сахара, ванили и мускатного ореха. Затем тщательно помешала в чаше эмалированной ложкой. Чиро наблюдал, как струи заварного крема, в котором мелькают звездочки, густея,

* Паста в виде звездочек.

ложатся одна на другую. Сестра разлила крем по керамическим плиткам, не пролив ни капли.

— Ты к нам в гости?

— Нас прислали сюда работать, потому что мы бедные.

— В Вильминоре-ди-Скальве все бедны, даже монахини.

— Мы совсем бедные. У нас больше нет дома. Мы съели всех цыплят, и мама продала корову. Она продала все картины и книги. А выручила не так и много. Да и эти деньги почти все вышли.

— В каждой деревне в Альпах та же история.

— Мы надолго здесь не останемся. Мама собирается в город, но вернется летом и заберет нас.

Чиро поглядывал на глубокую печь, в которой пылал огонь, и подсчитывал, сколько раз он должен будет ее растопить и вычистить, прежде чем мать вернется. А еще он гадал, сколько всего в монастыре печей, и решил, что их здесь полно. Наверное, целыми днями придется рубить дрова да топить печи.

— Что привело вас в монастырь?

— Мама все время плачет.

— Почему?

— Скучает по папе.

Сестра подняла поднос с наполненными кремом мисками и поставила его в духовку. Затем проверила миски с уже запеченным кремом, остывавшие на специальной подставке. Что за чудесная работа — готовить еду в теплой кухне во время зимних холодов! Чиро подумал, что те, кто трудится на кухне, никогда не голодают.

— А куда подевался твой папа?

— Говорят, что он умер, но я не верю, — сказал Чиро.

— Почему не веришь? — Сестра вытерла руки кухонным полотенцем и облокотилась на стол так, чтобы ее глаза оказались вровень с глазами мальчика.

— Эдуардо читал письмо, которое прислали маме из Америки. Там написано, что папа погиб в шахте, но тело не нашли. Поэтому я не думаю, что он мертвый.

— Иногда... — начала сестра Тереза.

Чиро прервал ее:

— Я все об этом знаю — иногда человек погибает, а тела нет. В шахте может сработать динамит, и люди внутри

взрываются, тело может сгореть в огне, провалиться в яму или утонуть в шлаковой реке внутри горы. А еще бывает так: ты ранен, не можешь идти, застревает под землей, умираешь от голода, потому что никто не идет тебя искать, тебя съедают звери и остаются одни кости. Я знаю все-все про то, как можно умереть в шахте, — но мой папа не умер. Он был сильнее всех. Он мог побить любого, мог поднять в воздух любого мужчину в Вильмиоре-ди-Скальве. Он не умер.

— Что ж, я буду рада когда-нибудь с ним встретиться.

— И встретитесь. Он вернется. Вот увидите.

Чиро верил, что отец жив, но сердце его ныло при мысли, что они могут никогда больше не увидаться. Он вспоминал, как всегда легко находил отца в толпе, потому что тот такой высокий, выше всех в деревне. И такой сильный, что запросто таскал обоих сыновей — по одному на каждом бедре, как мешки с мукой, — вверх и вниз по крутым горным тропам. Он валил деревья одним топором, а доски пилил так легко, как эта сестра Тереза тесто режет. И он построил запруду у водопада Вертова. Ему, конечно, все помогали, но Карло Ладзари был главным.

Сестра Тереза разбила в чашку яйцо, добавила ложку сахара и взбивала до тех пор, пока на поверхности не появилась густая пена. Потом протянула чашку Чиро:

— Держи.

Тот сделал глоток, чмокнул и осушил чашку до дна.

— Как теперь поживает твой желудок?

— Полнехонек, — улыбнулся Чиро.

— Будешь иногда помогать мне готовить?

— Мальчики не готовят.

— Это неправда. Все великие повара в Париже — мужчины. Женщин даже не берут в «Кордон-Блю». Это знаменитая кулинарная школа во Франции.

Тут в кухню ворвался Эдуардо:

— Чиро, ты где?! Пошли!

Сестра Тереза улыбнулась ему:

— Ты, должно быть, Эдуардо.

— Да.

— Она монахиня, — сказал Чиро.

Эдуардо поклонился:

— Простите, сестра.

— Ты ведь тоже проголодался?

Эдуардо помотал головой.

— Что, мама велела тебе лишний раз никого не беспокоить? — спросила сестра Тереза.

Эдуардо кивнул.

Сестра Тереза снова открыла металлический бак, достала еще один большой ломоть хлеба, намазала его маслом и протянула Эдуардо. Тот жадно принялся жевать.

— Мой брат сам ни о чем не попросит, — объяснил Чиро. — Можно ему тоже яйцо с сахаром? — Он повернулся к брату: — Тебе понравится.

Сестра улыбнулась, взяла еще одно яйцо, сахар, плеснула сливок и взбила все венчиком. Эдуардо смаковал каждую каплю яичного крема, пока чашка не опустела.

— Спасибо, сестра, — произнес он.

— А мы думали, что в монастыре будет ужасно. — Чиро поставил обе чашки в раковину.

— Если вы будете хорошо себя вести и молиться, вряд ли вас ждут неприятности.

В дверях кухни стояла сестра Доменика вместе с Катериной. Эдуардо ахнул и низко поклонился старой монахине. Чиро не понимал, почему брат боится всех и вся. Неужто он не видит, что сестра Доменика совсем не страшная? В своей накрахмаленной тиковой пелерине и черных юбках она вылитое мамино черно-белое пресс-папье из каррарского мрамора. Чиро вообще не боялся монашек. Эта еще и старенькая совсем, а большущий деревянный крест у нее на груди похож на огромный ключ.

— Я нашла двух способных молодых людей, которые помогут мне на кухне, — сказала сестра Тереза.

— Эдуардо будет помогать мне с бумагами, — ответила сестра Доменика, — а Чиро — работать в церкви. Мне нужен сильный мальчик, который сможет поднимать тяжести.

— А мне нужен сильный мальчик, чтобы делать сыр, — подмигнула сестра Тереза сестре Доменике.

— Я могу делать и то, и то, — гордо заявил Чиро.

Катерина положила руки ему на плечи:

— Мои сыновья будут делать все, что вы им велите, сестра.

Всего несколькими милями выше Вильминоре-ди-Скальве к горе сосулькой прилепилась деревушка. Здесь даже мертвых хоронили на горном склоне под защитой гранитной стены, увитой виноградом.

В Скильпарิโอ не было ни главной площади, ни внушительной колоннады, ни фонтанов, ни статуй, как в Вильминоре-ди-Скальве, — только простые крепкие здания в альпийском стиле, с фасадами из деревянных балок и оштукатуренной глины, способные выдержать зимние холода. Штукатурка была выкрашена в лимонно-желтый, вишневый, сливовый цвет. Яркие дома украшали гору, будто причудливая черепица.

Деревня была шахтерской. Рядом залегали богатые пласты железной руды и барита. Добытую в шахтах руду везли телегами вниз, в Милан, на продажу. Все здесь работали на лежавшие внизу городки. А еще местный люд построил и обслуживал плотину, обуздавшую стремительную речку Во, сбегавшую с гор.

Фермы поставляли свежее мясо городским мясникам. У каждой семьи была коптильня, где изготавливали сосиски, салями, прошутто и окорока. Во время долгих зим жители гор поддерживали силы с помощью содержимого своих погребов, забитых бочками с каштанами, росшими здесь в изобилии. По осени эти плоды ковром покрывали горные тропы, будто гладкие коричневые камни. Кроме того, жители Скильпарิโอ выживали благодаря яйцам из своих курятников, молоку и сливкам от своих коров. Они сбивали масло и делали сыр, а что не могли продать, съедали сами.

Горные леса высоко над деревней изобиловали боровиками и прочими грибами, в том числе и столь желанными трюфелями, — их собирали в конце лета и сбывали торговцам из Франции, которые продавали трюфели лучшим шеф-поварам в больших европейских городах. Детей учили охоте за трюфелями с малых лет, и они, с болтавшимися на талии полотняными сумками, прочесывали леса, ползая

на четвереньках в поисках хрупких клубней, угнездившихся глубоко в земле у корней старых деревьев.

Скильпарьо была одной из последних деревушек к северу, лежавших в тени Пиццо Камино, высочайшего альпийского пика, — снег на его вершине не таял даже летом. Забравшиеся так высоко в горы люди смотрели сверху вниз на движущиеся по долине облака, похожие на розетки безе.

С приходом весны лед на вершинах ниже таял, и они окрашивались в оттенки зеленого, по мере того как стланиковые сосны и кусты можжевельника выпускали молодые побеги. Долина, лежавшая внизу, в глубоком ущелье, пестрела желтыми лютиками. Деревенские женщины собирали лечебные травы: ромашку, успокаивающую нервы, одуванчики для очищения крови, хрупкую перечную мяту от болезней желудка и яснотку с золотистыми цветами — чтобы победить лихорадку. Одинокая лента дороги, звавшейся Пассо Персолана, соединяла Скильпарьо с Вильминоре-ди-Скальве и убегала дальше вниз, к подножию гор, в Бергамо. Дорогу проложили в восемнадцатом столетии — обычный проселок для пеших путников. Со временем ее расширили, чтобы могла проехать карета, но только в теплую погоду, зимой путь был опасен.

Марко Раванелли знал каждый утес, каждый изгиб дороги, каждый природный каменный мостик, служивший убежищем в ненастье, каждую деревушку на пути, каждую ферму, речку и озеро — еще с тех пор, как мальчишкой сопровождал вверх и вниз по горам своего отца, возившего путешественников.

Марко, извозчик из Скильпарьо, был худощав, невысок, с густыми черными усами, частично упрощавшими его красивые черты. Воткнув в лед две длинные палки, он прочно стоял на тропинке, соединявшей дом и сарай. Марко действовал осторожно, он не мог позволить себе упасть: сломанная нога или любое другое увечье были слишком большой роскошью. В свои тридцать три года Марко отвечал за жену и шестерых детей, младшая из которых, Стелла, только что родилась.

Энца, его старшая, шла за отцом, также втыкая в лед палки. Ей едва сравнялось десять, но она умела все, на что

способна любая женщина вдвое ее старше, и, возможно, даже лучше многих из них — особенно шить. Маленькие пальчики двигались проворно и ловко, кладя мелкие, почти невидимые стежки как по линейке. Мать считала этот ее талант истинным чудом, поскольку сама не умела шить так быстро и аккуратно. Энца не обрезала свои каштановые волосы, и блестящая тугая коса спускалась до талии. Лицом в форме сердечка она напоминала мать — круглые щеки, кожа цвета свежих сливок и идеально очерченные губы, настоящий «лук Купидона». Светло-карие глаза Энци блестящие точно янтарные пуговицы.

У старшей дочери в многодетной семье не бывает нормального детства.

Энца научилась запрягать лошадь, как только начала дотягиваться до повозки. Она знала, как приготовить из каштанов начинку для пирога или картофельное тесто для ньокки*, как сбить масло, свернуть шею цыпленку, выстирать и заштопать белье. Вместо игр Энца шила. Ткань стоила дорого, так что она сама научилась красить хлопковый муслин, придумывая разноцветные узоры, а потом обшивала всю семью.

Когда наступало лето, Энца собирала малину и ежевику и делала краски из их сочной мякоти. Она плисировала и мяла грубый хлопок, наносила краску на ткань и оставляла сохнуть на солнце, чтобы цвета закрепились. Простой хлопковый муслин расцветал под ее руками — сумеречно-лавандовым, нежно-розовым, графитово-синим. Потом яркое полотно украшалось орнаментами и вышивкой.

У Энци не было кукол, но к чему они, когда на тебе забота о двух младенцах в люльках и о трех детях постарше — один ползает и еще двое ходят, — а все долгие зимние вечера заняты рукоделием и прочей работой?

В конюшне было холодно, так что Марко и Энца энергично принялись за уборку. Пока отец чистил Чипи, их общего любимца, Энца полировала скамью в двуколке. Та была меньше обычной повозки — места хватало лишь на

* Итальянские картофельные клецки.

двух пассажиров. Черная отделка подчеркивала изящество линий. Энца чистой тряпкой до блеска протерла сиденья.

Те, кто зарабатывает, оказывая услуги богатым, обязаны уделять внимание каждой детали. Краска должна быть покрыта лаком, позолота должна ослеплять, каждая латунная выемка, стык, заклепка — сиять. Общественное положение клиента отражается в этом блеске, наведенном тяжелым трудом его слуги. Вот за что платят богатые, вот чего они требуют. Марко учил дочь: все должно сверкать, включая лошадь.

Энца положила на пассажирское сиденье собственноручно сшитую полость из коричневой замши с подкладкой из прочного золотистого хлопка. Полость должна была согреть седока, платившего им деньги.

— Мне кажется, тебе не стоит ехать, папа.

— Это единственная работа, перепавшая за всю зиму.

— А что, если упряжь порвется?

— Не порвется.

— Что, если Чипи упадет?

— Поднимется.

Марко проверил рессоры двуколки. Затем взял масленку и начал смазывать пружины.

— Давай я. — Энца забрала у отца масленку и проскользнула под повозку, чтобы покрыть маслом механизм. Она очень старалась и сделала несколько лишних впрысков, чтобы двуколка преодолела внезапные повороты и ухабы на скользкой горной дороге, не опрокинувшись.

Марко помог ей выбраться из-под двуколки.

— Снег — худшее, что бывает в горах. Но когда я доберусь до Вильминоре-ди-Скальве, там будет пыльно. Скорей всего, снега нет до самого Бергамо.

— А как насчет дождя?

Марко улыбнулся:

— Хватит тебе беспокоиться обо мне и матери.

— Ну кто-то же должен!

— Энца!

— Прости, папа. Мукой мы запаслись до весны. Немного сахара тоже есть. Каштанов полно. Ты не обязан соглашаться на эту работу.

— А как насчет арендной платы?

— Синьор Ардуини может подождать. Деньги ему нужны, только чтобы покупать новые платья дочке. А у Марии их и без того хватает.

— Ты собираешься указывать первому богачу в деревне, как ему тратить деньги?

— Хорошо бы он у меня спросил. У меня есть что ему порассказать.

Марко изо всех сил старался удержаться от смеха.

— Я получу три лиры за то, что отвезу пассажира вниз.

— Три лиры!

— Вот именно! Только глупец откажется от трех лир.

— Можно я поеду с тобой? Если что-то случится, я смогу помочь.

— А кто поможет маме управиться с детьми?

— Баттиста!

— Ему всего девять, и он еще больший ребенок, чем Стелла.

— Он просто любит озорничать, папа.

— Это не то качество, которое пригодится в жизни.

— Элиана — хорошая помощница!

— Но силенок у нее маловато, — напомнил Марко.

— Зато она умная. А это что-то да значит.

— Да, но в тяжелой работе она матери не подсобит. Витторио и Альма совсем малыши, с ними хлопот много, а Стелла и вовсе младенец. Маме без тебя не обойтись.

— Хорошо. Я останусь. Как думаешь, долго тебя не будет?

— Путь вниз займет один день. Там я переночую, и нужен еще день, чтобы подняться обратно в горы.

— Два полных дня...

— За три лиры, — напомнил ей Марко.

Марко был честолюбив. Он вынашивал планы соорудить роскошную повозку с тремя скамьями, чтобы возить туристов. Те всегда жаждали тишины горного лета с его прохладными ночами и солнечными днями, любили плавать в чистейших альпийских озерах. Туристы ездили на воды в Бормио, принимали солнечные ванны на пляжах реки Брембо или грязевые — в Трескоре. Новая, современная коляска

сможет отвозить туристов куда они пожелают! Марко представлял тент в широкую черно-белую полосу, латунные крепления... Белая шелковая бахрома с шариками по краю придавала бы особый шик. Джакомина с Энцей сшили бы бирюзовые вельветовые подушки для сидений...

Марко надеялся заработать достаточно денег, чтобы наконец выкупить у Ардуини старый каменный дом. Аренда обходилась дорого, но дом совсем рядом с конюшней Чипи, где стоит повозка и хранится все снаряжение. Раванелли не могли жить в конюшне. Им был нужен дом.

Синьор Ардуини старел — уже скоро вступит во владение его сын. Деревянный ящик, заполненный сложенными вдвое листами пергаментной бумаги с описанием земельных участков в Скильпарิโอ, будет передан из рук в руки, и землей станет управлять следующее поколение Ардуини. Определенные признаки говорили Марко, что он должен серьезно подумать о покупке дома. Иногда, после того как Марко в очередной раз вносил плату, синьор Ардуини упрашивал выкупить дом до того, как его сын унаследует владения и возможная сделка отменится навсегда. Именно желание Ардуини продать дом побуждало Марко расширять свое дело. Нынешняя повозка не давала достаточно прибыли, чтобы скопить на такую покупку.

Дом на Виа Скалина — вот о чем мечтал Марко, думая о своей семье.

Марко добрался до Вильминоре вовремя. Уже издали, въехав на площадь, он увидел, что клиентка дожидается его в компании монахини. Рядом с ними на земле стоял небольшой коричневым саквояж. Голубое пальто Катерины выделялось на зимнем серо-розовом фоне. Марко облегченно вздохнул: клиентка ждала его, как было условлено. В последнее время пассажиры все чаще отказывались от поездов — верный признак бедности, поразившей эти края. В путь теперь пускались пешком.

Марко направил Чипи через площадь ко входу в монастырь Сан-Никола, затем прыгнул с козел, поздоровался с монахиней и помог Катерине Ладзари усесться в двуколку. Она пристроила свой баул в специальный ящик у ног, за-

стегнула полость, прикрыв тканью голубое пальто, подняла и закрепила верх.

Сестра Доменика вынула из кармана конверт и вручила его Марко. Он поблагодарил ее, а затем взобрался на место возницы. Монахиня отправилась обратно в монастырь.

Тронув коня, Марко услышал, как мальчишеский голос зовет мать. Катерина попросила Марко остановиться, и к повозке подбежал запыхавшийся Чиро. Катерина покачала головой, глядя на сына:

— Чиро, возвращайся. Здесь холодно.

— Мама, не забывай мне писать!

— Каждую неделю, обещаю. И ты тоже должен мне писать!

— Обязательно, мама.

— Будь хорошим мальчиком и слушайся сестер. Я вернусь не позже лета.

Марко щелкнул поводьями и послал Чипи вниз по главной улице к горной дороге. Чиро смотрел, как уезжает мать. Ему хотелось побежать за повозкой, ухватиться за ручку дверцы, запрыгнуть на сиденье, но мать не оглянулась. Не протянула руку, не поманила к себе, как она делала каждый раз, отправляясь в путешествие в карете, на поезде или на лодке, — всегда, сколько он себя помнил.

Чиро понял только, что мама решила уехать от него, оставить его, как бросают на обочине сломанный стул в ожидании старьевщика. Она уезжала, и он видел контур ее воротника, затылок, шею, прямую, как стебель розы... Вскоре двуколка повернула к выезду на Пассо Персолана, и теперь он мог разглядеть лишь размытое голубое пятно.

Когда повозка скрылась из виду, в груди у него зацемило. Ему страшно хотелось расплакаться, громко, безудержно, но какой от слез прок? Чиро еще не понимал разницы между горем и гневом. Он только знал, что сейчас разнес бы вдребезги все, что видит: статуи, корзину уличного торговца и стекла всех лавок в галерее.

Чиро злился на мать за каждое неверное решение, принятое после смерти папы, — например, она продала все

отцовские вещи, даже ружье и патронташ. Он злился на Эдуардо, молча терпевшего лишения и соглашавшегося с матерью во всем, что бы она ни говорила. А теперь Чиро был в ярости от того, что вынужден жить в монастыре, — это как рыбе жить на дереве. В поступках матери не было ни капельки здравого смысла. Ее объяснения его не устраивали. Она лишь вечно повторяла, что он должен хорошо себя вести. Но кто решает, что такое хорошо?

— Чиро, возвращайся! — Эдуардо стоял в дверном проеме.

— Оставь меня в покое!

— Быстро, Чиро. — Эдуардо вышел наружу, закрыв за собой дверь. — Я не шучу!

Тон, которым Эдуардо это произнес, лишь распалил гнев Чиро, как спичка поджигает сухой хворост. Этот задавка ему не отец, не мать. Чиро развернулся к брату и ударил. С каждым взмахом кулака голова Эдуардо громко стучалась о кирпичи. Чиро слышал этот глухой звук, но не останавливался, только пуще распался. Эдуардо упал, сжался, прикрывая лицо руками, пытаясь подставить спину.

— Так ее не вернуть!

Силы Чиро иссякли, и он рухнул на землю. Эдуардо откатился от брата, который, стоя на коленях, прятал лицо в ладонях. Чиро не хотел, чтобы Эдуардо видел его слезы. Он знал: если начнет реветь, уже не остановится.

Эдуардо встал и одернул манжеты слишком коротких рукавов. Расправил брюки и подтянул их, пригладил волосы.

— Нас выгонят, если будем драться!

— Пускай. Я все равно убегу. Не останусь здесь.

Мысль о побеге придала Чиро сил, взгляд его заметался по площади. Оттуда вело по меньшей мере шесть дорог. Раз его ничего больше не держит в родном городе, можно подняться в горы, в Монте-Изола, или пройти несколько миль вниз, до Альцано. Кто-нибудь да приютит.

Эдуардо заплакал.

— Не бросай меня одного.

Чиро взглянул на брата — все, что осталось у него от семьи, и понял вдруг, что ему гораздо больнее за него, чем за самого себя.

— Хватит реветь, — сказал он.

Утреннее солнце уже поднялось над горизонтом, и торговцы отпирали двери лавок, снимали щиты, закатывали свои фургоны в колоннаду. Одетые в тускло-серое — цвет низкой каменной стены, окружавшей городок, — разносчики толкали тележки, выкрашенные в ярко-красный, желтый и белый. Тележки были наполнены глянцевыми каштанами, серебристыми ведрами с плетенками свежего белого сыра в чистой ледяной воде, мотками многоцветных шелковых нитей, накрученных на деревянные сердечники, корзинами со свежими буханками хлеба, льняными мешками со связками трав для припарок — всем, чем только можно было торговать.

Появление людей помогло Эдуардо взять себя в руки. Он посмотрел вдаль, туда, где главная улица изгибалась, чтобы слиться с дорогой. Но этот путь ничего для него не значил, он не мог вывести их с братом из того тупика, в котором они очутились. Утренний туман рассеялся, от холода Эдуардо было больно дышать.

— Куда мы пойдем?

— Можем отправиться вслед за мамой. Уговорим ее передумать.

— Мама не может о нас позаботиться.

— Но она же наша мама! — возразил Чиро.

— Мать, которая не может заботиться о детях, бесполезна. — Эдуардо открыл дверь и придержал ее: — Пойдем.

Чиро переступил монастырский порог. На сердце у него лежала тяжесть — тоска по маме и стыд за содеянное с братом. В конце концов, Эдуардо не виноват ни в том, что они оказались в Сан-Никола, ни в событиях, которые к этому привели.

Может, от монахинь и будет польза, подумал Чиро. Может, их молитвы помогут маме вернуться прежде, чем наступит лето. Чиро попросит монашек вспоминать о ней, перебирая четки. Но что-то говорило ему, что всем стеклянным бусинам в этих горах не под силу вернуть Катерину домой. И, как бы ни утешал его Эдуардо, Чиро был уверен, что никогда больше не увидит мать.

Чиро проплакал всю ночь, пока не заснул, а утром обнаружил, что Эдуардо спит на полу рядом с ним, потому

что койки, которые им выделили сестры, были слишком малы, чтобы вместить их обоих. Чиро никогда не забыл этот добрый поступок, который Эдуардо повторял потом не раз, даже когда вырос. Долгие годы любовь Эдуардо была для Чиро единственной защитой. Сестра Тереза кормила их, сестра Доменика поручала им работу, сестра Эрколина учила их латыни, но именно Эдуардо присматривал за душой Чиро и пытался заменить ему исчезнувшую маму.